

Мария Солодилова

Театральная сказка

книга рассказов

Мария Солодилова

Театральная сказка. Книга рассказов

«Издательские решения»

Солодилова М.

Театральная сказка. Книга рассказов / М. Солодилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939562-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Книга рассказов Марии Солодиловой отличается хорошим литературным языком, что сейчас является большой редкостью, и будет интересна всем любителям отечественной словесности.

ISBN 978-5-44-939562-7

© Солодилова М.
© Издательские решения

Содержание

В необозримости любви 6
Крышка 7
Телевизор 10
Остров Веры 13
По грибы 18
Полнолуние 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Театральная сказка
Книга рассказов

Мария Солодилова

© Мария Солодилова, 2018

ISBN 978-5-4493-9562-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В необозримости любви

Книга рассказов Марии Солодиловой, уроженки уральской земли, выпускницы Литературного института, автора двух книг прозы, матери девятерых детей – самобытна и жизненна. Эта книга о нашем непростом времени, о современных характерах, о гримасах нынешнего общества и чистом лике Любви. Книга реалистическая и романтическая одновременно.

Рассказы – излюбленный нынче жанр: в неразберихе суеты, в торопливости существования XXI века большие произведения смещаются к периферии культурной жизни, а рассказ – с его сгущенностью событий, ускоряющими повествование временнЫми скачкАми, неожиданными и невероятными сюжетными поворотами и, наконец, с обозримостью всего текста на протяжении поездки в метро – становится наиболее востребованным жанром. Чем-то сродни триллеру, ужастику? Возможно. Но у Марии Солодиловой – с достоверностью, невыдуманностью, честностью хорошей психологической прозы и без нагнетения того, что называют чернухой и что в самом определении несет привкус пошлости.

Современный человек вырабатывает любовь к комфорту, к «умению жить», приобщается к страсти приобретательства. Уходит в виртуальный мир, где главный – как ему кажется – он сам, его желания, даже прихоти. Становится заложником своего «я», своей выгоды, своего благополучия. Что-то при этом утрачивается. Что именно? И так ли важны эти потери для человека – и для человечества в целом? Вот о чем задумывается Мария Солодилова. Поэтому ее рассказы звучат совсем не камерно. Их мозаика дает масштабный слепок нашего времени с его узнаваемыми бытовыми неурядицами, нравственными конфликтами, повседневными странностями, сквозь которые прорастают гротесковые ситуации (тут вспоминается Гойя с его «Каприччио»), но и – с беспокойным пульсом не парадной, не на вынос и напоказ, а настоящей жизни (и тут на ум приходят Лесков и Шукшин).

Поэзия детского взгляда на мир, истинной любви, человечности, доброты – в противовес расчетливости, ограниченности, эгоизму. Этот противовес сохраняет сердце человека, его жизнь, его счастье, его продолжение во времени через детей, внуков, правнуков. Об этом – вроде бы незамысловатые «Уральские анекдоты», где здоровенный бык Борька, как привязанный, идёт в баню за своей заболевшей спасительницей. Об этом же – рассказ-легенда «Остров Веры», где героиня ждет и дожидается своего возлюбленного, чтобы вскорости, израненного, похоронить его. Об этом и поэтичная «Театральная сказка», где в центре два образа – матери-одиночки и ее дочки, обретающих трудное семейное счастье.

Сквозь канву современных сюжетов проглядывает тайна Пугачевского клада, до сих пор не найденного, и мелькают детективные страницы; возникают мотивы ювенальной юстиции; художественная ткань многих рассказов сверкает строками Пушкина, Грибоедова, поэтов XX века – Тарковского, Липкина, Чичибабина; перед нами возникают образы неустроенной, не от мира сего, путано и трудно живущей творческой интеллигенции – и простых и твердо стоящих на земле дедов и бабок на своей исконной земле. Это две параллельные линии, которые сходятся «в необозримости любви». Этими словами заканчивается книга рассказов. Заканчивается ли? Нет – кажется, продолжает жить в нас.

Татьяна Шеханова

Крышка

Места у нас богатые – и лесами, и озерами, и золото тут всегда мыли… Не только, впрочем, золото – камешки попадались разные: аметисты, изумруды… Однажды и серебришко какое-то странное нашли, да не разобравшись, не доглядев – ну его по заграницам продавать. Доглядели – ахнули: так это ж платину за серебро-то продавали! Опомнились, когда прииск-от выработан был… Да так с екатерининских времен ничего и не изменилось: в советские времена, почитай совсем недавно, нашли в щебенке аметисты… Ну, как нашли – доложили начальству. Начальство – ни ухом, а месторождение-то тоже скоро кончилось… Так что под асфальтом у нас аметисты… Может, еще у кого по карманам гремят… Из рабочих-то. Да… Страна богатая и народ богатый… Купец Симонов, золотопромышленник, хотел на свадьбу дочери крышу золотом покрыть, да царь не разрешил: нескромно, говорит, будет… Ну тогда он от дома до церкви ковров настелил… При таких-то богатствах – посудите сами – Пугачеву было что пограбить. И до него, конечно, грабили, и после – народ-то какой – бегло-ссыльно-каторжный… Только говорят все о пугачевском кладе: будто бросил его в озеро Инышко, что с двойным дном… Так до сих пор найти и не могут: и воду отводили, и копали… Все без толку. Может, и нет никакого клада – в каждой области своя легенда, и обязательно о кладе, который невозможно добыть: в Калужской – своя, в Оренбуржской – другая… Что-то не слышно, чтобы кто-нибудь находил…

А может, не так ищут: вон, утопленников-от из Тургояка не всегда находят… Люди говорят, что есть в Тургояке пещера – не пещера, скала такая, куда мертвецов течением заносит – и сидят они там на корточках, сжав зубы; и руки, согнутые в локтях, к плечам прижаты: озеро-то родниковое, на глубине так судорогой скрутит, что не только выплыть – не

распрямиться… Один водолаз будто наткнулся на ту пещеру – а утопленники там давно рыбами объедены – чуть живого вытащили, он потом в уме повредился… Я только знаю, что у нас Лариса Ивановна из проектного семь лет венки бросает в том месте, где муж утонул… В воронку затягивает, и не всплывает нигде венок… Да сейчас-то я не про то хочу рассказать…

…Всем заводом хоронили Сашку Юмашева на дальнем кладбище. Люди от дома шли, и от завода еще присоединились… Тогда еще движение перекрыли… Конечно, когда такой человек сам отравился, включив в закрытом гараже машину газовать… Достала его, значит, наша мафия окончательно… Он гаражи распределял. По очереди. От него самые-то работяги и получали, а не те, кто на заводе – без году неделя…

На поминках Вовка Семенов не задержался: стоило только взглянуть на эти рожи, чтобы понять – кто угробил, тот и хоронит… Говорят, убийца всегда приходит на похороны жертвы, чтоб спокойнее быть… Ну, эти если не сами убили, так довели…

Выпил он, как положено, помянул, посидел для приличия, только уходили они с женой из первых: незачем вдове глаза мозолить, если все равно ничего поправить…

По дороге разговорились еще с Сережкой Светловым да Мишкой Потаповым, неудобно было не пригласить, зашли… Жена разогрела картошки, да жареной рыбы принесла к водке… Разговоры, конечно, все о Сашке пошли – как кому гаражи распределял, да вспомнилось почему-то, как в отделе кадров с его подачи начальнику цеха, Карагодину, на фотографию в пропуске наклеили вырезанную из газеты обезьяну – только через неделю заметили, и это на секретном-то предприятии!

Всякое вспомнилось – и хорошее, и смешное, и как Юмашев на рыбалку поехал однажды – заснул с удочкой, а проснулся от холода на мелководье…

Тут Сережка Светлов, от которого явно бутылку надо держать подальше, начал всякие байки рассказывать про рыбалку на Инышке и руками разводить, показывая – какой улов был… И до того всем было ясно, что врет как сивый мерин, что его даже подкалывать начали:

– А домой рыбу принес, а она утряслась – и только кошке на обед, да?

– Ты там случаем пугачевского клада не выловил на удочку? Или голыми руками?

Ну, Сережка спьяну в грудь себя бьет, по столу стучит… Тут Вовка Семенов и говорит: «Да нет на Инышке пугачевского клада, а может, и сроду не было!»

– А ты откуда знаешь?

– Не сам ли выловил и перепрятал? Доставай, покажешь!

Тогда Семенов и говорит – я, мол, расскажу, только вы не перебивайте, еще хорошего человека вспомню…

…Послали меня тогда в командировку, в Челябу. Это давно было, еще в семидесятых, я и не женат был – семьдесят пятый, кажется. Да, точно. Со мной еще один мужик был – он потом в Москву уехал, где-то там живет, ну да ладно. Дела мы все сделали, зашли в «Пельменную» у вокзала посидеть. Бутылку взяли тоже… Свободных столиков не было, подсели мы к парнишке лет двадцати – дохлый, хлипкий, а все-таки на троих, да и, как говорится, под пельмени только нищие не пьют. Выпили мы за знакомство, парень не отказался – Петей его звали… Только мы пельмени доели – пришла официантка, тарелки уносить, а я как-то локтем неловко тарелку смахнул… Ну, тарелка – ровно пополам, и лежит себе как целая, а на обороте – ящерка на камушке – эмблема наша, южуралфарфор… Официантке мы, конечно, заплатили, сколько положено, и взяли еще по порции, а парнишка смотрел-смотрел на эту перевернутую тарелку и говорит – видел, мол, недавно, похожую вещь – Полоза в короне на бочках с золотом…

Ну, нам интересно, налили ему еще, спрашиваем… Он и рассказал… В войну, говорит, эвакуировалась одна семья из блокадного Ленинграда. Как и многие эвакуированные, долго они не продержались, умерли. Но осталась у них крышка от малахитовой шкатулки. Как она к ним попала —

Бог весть, да и сама-то шкатулка не сохранилась, потерялась при эвакуации… Только крышку в семидесятые нашли и передали в музей. Крышка-то не простая, с резьбой, а по стилю и по всему видно – в пугачевские времена вырезана.

А в музее тогда работал Позолотин, видный геолог, ему уже много лет было, поэтому ушел в музей, где поспокойнее, а то во всех экспедициях побывал… Ну, а тут такое дело – крышка эта, и пригласил этот дед, Позолотин-то, специалиста по камням, да тут и парнишка этот увязался. Вот смотрят они в лупу – Полоз в короне лежит на четырех бочках, а вокруг – река и скалы. Причем, три-то бочки рядом, и вырезаны там вроде как деньги, монеты золотые; а четвертая – наособицу, чуть подальше. Стали корону рассматривать, а тут спец по камням и говорит – корона-то – точная копия царской, а в ней алмаз, «Большая пирамида» называется, и украден был еще до революции… Тут и дед пригляделся, места узнал: река эта, говорит, Чусовая, и камни именные все узнал – то Шаман-камень, другой – так называется… Ну, кто эти места знает, тот и все скалы по именам помнит, я-то на Чусовой не был… Словом, не просто крышка, а карта – там и дорожка указана… А что Пугачевский клад – так там на обратной стороне имя мастера вырезано и год – 1774, как раз когда восстание-то было, Пугачевский бунт.

Дед этот статьи стал писать – в «Науке и жизни», еще где-то – что так мол и так, со всеми выкладками, только его на смех подняли, как всегда у нас… Тогда он и решил собрать экспедицию на свои деньги – в те времена ведь все дешево было…

Подобралась экспедиция – сам Позолотин, спец по камням, наш парнишка: он, оказывается, на машине с какого-то откоса кувыркнулся – еле выходили и в армию забраковали: сотрясение мозга, переломы, с сердцем еще что-то… То-то он такой тощий и хлипкий… А взяли они еще с собой лозоходца – с рамкой ходил, тогда все это только начиналось… Ну, и лозоходец полезным оказался: все травы знал – и деду лекарство подобрал, и парнишку чем-то отпаивал, когда живот прихватило…

А по Чусовой пробраться не всегда можно, а только когда вода спадет – это уже где-то в мае. Вот выждали время – и пошли. Ночью, конечно, зубы от холода стучат – как раз черемуха цвела, а средний Урал – это тебе не северный Кавказ… Да проплутали там немножко – места-то поизменились: где лес вырубили, а где что мелколесьем поросло…

Вышли по берегу – та пещера, возле именного камня, так и есть… Сердца колотятся… А вход-то завален, и глыбы огромные, не поднять – видать, рванули что-то, бочку пороха, наверно…

Стали искать других ходов. В один сунулись – а там дальше глыба и никак… Достал лозоходец свою рамку – так и есть: в одном месте на золото указывает, а в другом – прыгает, вертится – отдельная-то бочка со всякой всячиной: и камешки, и ложки серебряные, или там оклады от икон – пограбил ведь он народ-то… И все в бочки запихал: с сундуком-то особо не поездишь, а это – тара универсальная – и для водки, и порох там хранить можно, и золото… В двух шагах, а не достать.

Нашли еще лаз, только он сперва широкий, а потом сужается… Ну, парнишка тот вызвался, полез… Видит – над ним глыба тонны в две, и ходит на двух точках… Поплохело, говорит, мне, выскочил, как намыленный. Потом, правда, присмотрелись – хоть и на двух точках, а прочно сидит, не сорвется…

Полез он опять, а дальше – еще уже. Разделся тогда до трусов – и дальше. Самый тощий, а и то – все бока ободрал, а потом застрял – и ни туда, ни сюда. Запаниковал, холодным потом покрылся. Потом сообразил: выдохнул – и обратно. Понял, что дальше хода, значит, нет…

А пещера-то, хоть и сухая относительно, тепла – шесть градусов. Растерли его, дали внутрь… Приуныли все. Если хоть с одного краю рвануть – все обвалится. Можно, наверно, сверху продолбиться, только как – сквозь скальную толщу вручную, машина-то все обрушит, да и не подъехать туда с техникой…

Так и ушли ни с чем, место заметили… Собирались на второй раз, поосновательней, Позолотин надежды не терял, все придумывал – как бы

там получше…

Только с ним инфаркт случился – и увезли его в больницу. Вышел из больницы – а за это время квартиру ограбили… Не только крышка пропала – коллекция марок редких, камешки кой-какие, альбомы с фотографиями. Тот дед как-то умудрился побывать на самых расстрельных съездах – и не тронули его. А он – не вырезал с фотографий никого, не замазал… А жил один – семья в войну погибла, все как-то нелепо… Но он после больницы только тем и жил, что этой экспедицией, весны ждал…

От третьего инфаркта его не спасли, и умер он как раз к самой черемухе… Хоронить его было некому, пришлось за это взяться и тот год пропустить…

А лозоходец вскоре на машине разбился, Петя-то как раз с похорон и ехал к себе в Златоуст…

Загорелся я этим делом, решили мы с ним идти. Парнишка обрадовался, спортом заниматься начал… На свою голову… Весной забрали его в армию, а там поставили какой-то склад охранять… Как там рвануло чего-то – он друга прикрыл, а сам – насмерть… Сегодня как раз годовщина…

Выпили молча, по обычаю не чокаясь…

– Вот и весь мой сказ. Крышка, одним словом…

От неловкого движения зазвенела крышка на масленке в малахитовых разводах, и разбилась ровно пополам, брызнув на палас искрами мелких осколков.

– А я думал – настоящая… – привстал, качаясь, Сережка…

28.08.99

Телевизор

Сентябрь – месяц прописной: для кого он начинается с прописей, для кого – с прописки.

Анюта, старшенькая (от первой жены) как раз в школу пошла, обещала письмо написать, как научится… Говорил с ней по телефону, перед отъездом, еще с работы… Со Светкой поговорил тоже – все у нее нормально, замуж второй раз вышла, но вроде тот мужик – ничего, не против, чтобы Валера с дочкой виделся, а то бывают же…

И когда только у них прописи кончаются? В октябре, ноябре?

В этом году не получилось к ним в Свердловск съездить – весь отпуск на ремонт ушел, а сентябрь пришлось просидеть дома – за матушкой после сердечной операции присматривал, сына в садик устраивал. (Младшенький – от Юльки, второй жены, здесь его почему-то не принимают). Да Кольке там и лучше будет, у бабушки-то, тут за ним – никакого присмотра, одна нервотрепка…

Приехав в Москву утренним поездом последнего дня сентября, Валера почувствовал себя таким усталым, что рухнул на общажную кровать и проспал до обеда.

К вечеру, простирнув дорожную одежду и вымыв полы, с мокрыми после душа волосами, он занялся настройкой телевизора.

Дело в том, что через несколько минут должны были передавать прямую трансляцию игры наших с Израилем, а видимость – то ли из-за дождя, то ли из-за плохонькой антенны, то ли из-за чего-то еще – приближалась к нулевой, и обиднее всего было то, что комната у Валеры особенная – с видом на Останкинскую башню. Слышно замечательно, но вот изображение… Раньше бы с телевизором можно было как-нибудь разобраться, но сейчас уже некогда терять время.

Сообразив, что проще придвинуть саму Останкинскую башню, чем уговорить ящик не блажить, уложил телевизор на бок – там, видать, отошел какой-то контакт – почему-то на боку он показывал намного лучше.

…И когда только Юлька успела ему шею свернуть? Уезжал – все нормально работало, как раз после ремонта… Ну, сейчас с нее не спросишь – уехала на неделю к своим: отца на скорой увезли, но вроде все обошлось, сегодня звонила…

А телевизор теперь придется смотреть с кровати, тоже лежа на боку.

Вдруг кто-то ни за что ни про что вбухал в дверь три мощнейших удара, отчего щеколда резко задребезжала.

И чего они стучат, будто началась третья мировая?

Вполголоса матеря любителей вечерней пьянки из пятьсот тридцать второй, которым вечно не хватает стульев, Валера направился к двери, поскрипывая елочками светлых паркетин.

Правда, вместо шатающегося от вечного опохмела Володьки с играющей на свету лысиной и хохлацкими усами, на пороге образовались два слегка подмокших мента – упитанный лейтенант с яростно курчавящимися волосами да какой-то неприметный сержантик.

Почти в один голос они гаркнули: «Проверка паспортного режима!» и, воспользовавшись гостеприимно распахнутой дверью, протопали сразу шага три в мокрых ботинках; причем лейтенант, у которого волосы вились скорее от природы, чем от дождя, бегло глянул на часы и уставился в телевизор, склонив голову набок.

Второго проверяющего тоже привлекло резкое мерцание экрана, но из-за валериной спины он не мог ничего разглядеть, поэтому занялся паспортом.

Что до паспорта, то он у Валеры, конечно, был, но вот регистрационного листочка в нем не обнаружилось.

Пока Валера объяснял, что приехал сегодня, а паспортистка будет только завтра, реклама как раз кончилась, и кучерявый лейтенант, выступив

из двух лужиц, сделал полшага к телевизору и прислонился к косяку.

Тем временем сержантик, которому из-за напарника даже краешка экрана не было видно, недовольно заметил, что прописываться положено с первого сентября, а не с первого октября, и что процедура регистрации занимает всего две недели…

Валера, раздосадованный уверенным тоном сержантика, не стал объяснять, что без паспорта даже билета в свою секретку-запретку не купить, не говоря уж о том, что в прошлом году регистрация заняла полгода, весьма некстати наложившись на очередную эпидемию гриппа. В ответ на сержантов монолог он лишь ответил, что не успел, «так получилось», но обязательно займется завтра.

Сержанту уже не впервой было доводить прописные истины до сведения незарегистрированных граждан, но почему-то сейчас он заметно нервничал: зачем-то листал паспорт, переминался с ноги на ногу в двух своих аккуратных лужицах, прислушиваясь к каждому слову комментатора и внутренне досадуя на сопение напарника, скрип паркетин, длинную фигуру Валеры, оконтуренную штрихами экранных вспышек.

Словно очнувшись, сержантик спросил студенческий – видно, втайне надеясь, что Валера отойдет и можно будет глянуть хоть краем глаза.

Валера отошел, пошарил в столе, быстро вернулся на то же место, стараясь не наступить ни в одну из лужиц босыми (любил ходить босиком по чистому полу) ногами, обреченно повернулся лицом – к сержанту, спиной – к телевизору. Ему хотелось надеяться, что после первой же рекламы проверяющие, наконец, уйдут, и остальное можно будет спокойно досмотреть.

Сердце кучерявого лейтенанта то ухало куда-то вниз, то взлетало вверх, словно футбольный мяч, отдаваясь резкой болью в подмышку, будто болея одновременно и «за них», и «за наших».

«Наши» начали сильно, но и прожаренных своим божественным солнцем израильтян (а за окном-то – стеной! Когда ж все это кончится?)

нельзя было упрекнуть в плохой игре. Обстановка, что называется, с каждой минутой накалялась, это было ясно и без комментатора.

Нагретые дождевые капли, стекая по лбу, огибали крылья лейтенантского носа и надолго задерживались в носогубной впадине над толстой малиновой губой.

Лейтенантов напарник, раскрыв студенческий, не обнаружил в нем печати на текущий год, спросил – почему нет, пропустив великолепный одиннадцатиметровый Потапенко и едва ли расслышал валерин ответ из-за гула болельщиков.

Да и сам Валера, казалось, не думал ни о прописке, ни о печати в студенческом, стоя уже вполоборота к телевизору и жалея, что нельзя хоть присесть, пока эти двое тут.

После такого великолепного пенальти проверяющие, казалось, начисто забыли – зачем они здесь, поэтому Валера осмелился обернуться к телевизору, даже убрал прожженную солнцем шторину, отделявшую комнату от импровизированного коридора.

За окном, между тем, заметно просветлело, ветер сменился, и оглушающий барабанный стук по карнизам перешел в мягкое шуршание дождя по листьям, а в телевизоре уже не так заметно рябило.

Подсохший лейтенант, у которого уже затекла шея от долгого стояния, неожиданно спросил – а почему это телевизор на боку лежит, на что Валера, ругаться с властями не любивший, ни с того ни с сего рявкнул: «А нравится мне так!», и тут же некстати вспомнилось, что в том году пол-общаги загремело в ментовку из-за неувязок санэпидемстанции с паспортным столом, но тогда все решилось за считанные часы, а сейчас, на ночь глядя, когда он один…

Было уже поздно. Лейтенант решительно отодвинул детский стульчик, пододвинул себе настоящий, с сомнением покачав его рукой, достал бумагу, щелкнул ручкой: фамилия-имя-отчество? год рождения?

Хуже и быть не могло.

Теперь сержантик, выступив из полупросохших лужиц, занял место у косяка.

Пока кучерявый составлял протокол, то и дело поглядывая на экран, первый тайм близился к концу.

На последней минуте первого тайма Валера от неожиданности вздрогнул, обернувшись к телевизору, выплеснувшему восторженные вопли израильтян, размочивших счет, после чего сразу пустили рекламу.

Единственная лампочка в люстре светила тускло и будто неохотно. За окном, в просвет раздвинутых шторок, слезилась длинными огнями ночная чернота. Нервная пульсация экрана обрызгивала стекла валериных очков жидкими бликами куцых молний, от частого моргания глаза уставали.

Лейтенант за столом в задумчивости оторвался от бумаги, словно не веря, что все это только что сам написал и, сочувственно пощелкивая ручкой, спросил: «А почему все-таки без прописки?»

Валера поспешил сравнять счет в свою пользу, объясняя, что матушка после операции, да вот ребенка в детсад устраивал…

Лейтенант, словно поддакивая, понимающе кивал, щелкая ручкой, потом встал, близоруко поднес к глазам бумагу, скомкал, шутовски занес ногу, будто собираясь отфутболить подальше, но, передумав, поискал глазами мусорное ведро, легко отпустил туда комок сероватой казенной бумаги. Переглянувшись с сержантом, направился к выходу и уже на пороге бросил: «Чтобы в первый и последний раз! Еще придем – чтоб была регистрация!»

Резко развернувшись, они вышли.

За время долгой рекламы можно было даже без лифта спуститься на первый этаж и в будке охранников досмотреть тот матч, о котором Валера потом не раз вспоминал с сокрушенным сердцем: «Продули! И ладно бы канадцам, а то, – вздыхал он, – евреям…»

– Москва, 1999

Остров Веры

Сегодня повезла я гостей на остров Веры, хоть и не отошли они от вчерашней поездки за грибами. Да у них уже отпуск кончается, билеты куплены, телеграмму отбили, а мне надо вечером тащиться в свою пыльную челябинскую общагу.

Мы переночевали у знакомых в поселке, чтобы выехать пораньше, да все равно встали только в десять. То есть по Москве-то еще восемь, но для нас уже поздновато. Задержались еще, потому что Юльку вырвало – ее и вчера, после грибов, рвало – да мы посчитали за отравление, скормили чуть не килограмм угля… А сегодня от запаха вареных яиц и хлеба с маслом побежала она в ванную… Вот Сашка и сидит как пришибленный – будто раньше не знал – откуда дети берутся…

– Давай сменю?

– Я еще не согрелась, – мотает головой Юлька.

– Я у вас постоянно мерзну, – проснулся Сашка, – еще с поезда, только подъезжать стали…

– Ага, мы еще не поняли – чего это народ с вечера под одеяла полез, ведь целый день жарило, как в духовке – в собственном поту… Зато с утра и под матрасами не успели согреться – проводники растолкали…

– Даже столб Европа-Азия прозевали…

– Ночь, темно, какой там столб…

– Это по Москве ночь, Сан Саныч (Сашка – москвич, туда и Юльку увезет из ее родного Липецка), мы на два часа раньше живем… «С Востока – свет, с Востока – сила»…

– Вот они, бажовские места – с утра зуб на зуб не попадает…

– Места у нас не бажовские, а пугачевские… Вы-то в своих чеховских садах гуляете и не знаете, что все иначе бывает… Да и я, пока в

Липецк не съездила, русскую литературу не понимала – все эти сады, пруды, Чайки, поющие майские лягушки, моченые пьяные яблоки с голову первоклассника…

– Зато у вас уральская наливная размером с вишню, а в сентябре – холодрыга, будто это ноябрь! Так и останется для меня Урал как вечное ледяное утро…

Горький морок обнимал озеро как пар от дыхания глубинных незасыпающих ключей.

– Смотри – самой воде холодно!

От легкого шевеления воздуха Тургояк и впрямь будто познабливало.

– Говорили же русским языком – приезжайте летом, так нет – и свадьбу отложили, и нас зазря пропарафинили… Ничего, еще разочек проморозит на Златоусте – потом в своих Москвах да Липецках отогреетесь…

– «Не верю» Станиславского, – сказал Сашка и, перехватив у Юльки весло, отправил ее на нос – меня уравновешивать.

– Правильно хоть плывем, Рамиля Петровна? А то оледенеем тут…

– Правильней некуда, Сан Саныч…

– А долго еще? – обернулась Юлька, убирая челку со лба.

– Да вон он. С того берега совсем близко…

– Небольшой островок…

– Уже почти полуостров. Новые русские сюда на джипах ездят.

– А новые татарские братьев в лодку запрягают…

– Пришибу! – (Сашка мне хоть и двоюродный, хочется его иногда веслом шарахнуть или чем под руку попадется.) – Если устал – дай мне одно весло…

– Да ладно, я же в шутку…

– А я уж подумала – выдохся…

– Лодку не раскачивай, – проворчал он завозившейся Юльке. – Выходите, а я привяжу…

– Ты хоть сначала найди – где привяжешь…

– Да выходите вы, не мешайтесь…

Плеск шлепающихся весел, мокрый звон цепи, привязываемой к березе; небо морщится, как вода под ветром, но ветра нет, только на березах дрожат мелкие влажные листочки. Туман рассеивался медленно и кое-где еще висел клочьями.

– Мхом пахнет, – заметила Юлька.

– Да, здесь сыровато…

Сквозь березы уже просматривались темные валуны, разбросанные вокруг пещеры. Мы шли осторожно, подскальзываясь на мокрой листве и отсыревших рыжих иглах, пробираясь от раззолоченного березового входа к темной, молитвенной сердцевине острова. Юлька, шедшая последней, вдруг остановилась:

– Как будто кто-то идет…

– Да нет, никого…

– Мне показалось – лодка…

– Пойду цепь проверю…

Сашка ушел, а мы стояли перед пещерой. Юлька встала вровень с валуном и удивленно провела рукой по влажному краю камня, будто не веря, что такое бывает. Сырость камня от утреннего солнца была не холодной, а чуть тепловатой, как смертный пот уже остывающего зверя…

– Видишь крест? – показала я ей. – Его здесь сравнительно недавно установили, в советские времена не было…

– А ты давно здесь была, Рамиля?

– Да лет пять назад, еще в пионерах… Ну, тут же лагерей да санаториев по берегу натыкано – будь здоров, Тургояк-то заметно пообмелел… Раньше еще город воду брал, сейчас прекратили… Остров-то был меньше, даже за пять лет заметно. И темнее – березы-то недавно наросли, видишь – все сравнительно молодые…

– Саня идет!

– Да нет еще, я не слышу.

– Мне почему-то кажется…

– Кажется – крестись.

Светлело. Сквозь туман протаивало солнце, разгоняя белесую сырость.

Сашка появился чуть запыхавшийся:

– Привязал покрепче, теперь не размотается. Давай рассказывай…

– Вот пещера святой Веры… Давайте сначала посмотрим…

Сама пещера очень интересна – сухие, соединенные между собой четыре небольших отделения безо всяких там сталактитов и сталагмитов, просто – равномерно серый камень. Иногда даже кажется, будто она специально построена – стульчик, каменный стол… Только впервые показалась мне пещера какой-то открытой, незащищенной… «Как же можно было тут жить? – подумала я с жалостью. – За что такое наказание? Впрочем, народ тут жил упрямый… Из староверов, наверно… Хотя не знаю…»

– Ты чего там молчишь? Мы ждем…

– Была у купца красавица-дочь, Вера, – начала я, почему-то удивившись отсутствию эха.

– Мария…

– Вот проигрался он в карты и задумал ее замуж отдать, чтоб дела свои поправить…

– Не в картах дело, а в золоте. Замуж хотел меня выдать, чтобы новым прииском завладеть…

– А она не соглашалась ни в какую. Вот избил он ее и запер – подумай, мол, до утра. Наутро Вера сбежала…

– Три дня он держал меня на хлебе и воде… Едва матушка вступилась – побил и ее… Просила я хоть в монастырь меня отпустить – пуще прежнего залютовал… Не хотела я за старого, постылого – был у меня жених – мой любимый, единственный… Плакала я, молилась… Матушка Богородица, пресвятая заступница! Помоги мне! Не дай омочить

покров твой белый слезами, очернить горем, чтоб не лег он мне на душу черной землей, не примял ее подобно траве… Руки хотела с горя на себя наложить, да помог мне Андрей бежать… Далеко мы бежали, чужими именами назывались, чтоб никто не дознался да обратно не вернул… Привез меня Андрей на этот остров…

– На этот остров…

– Островок-то, говорит, маленький, рыбачий – никто нас здесь не найдет. Переждем только до Покрова, а там… В домике и дрова нашлись, и припасы кой-какие… На третий день собрался Андрей, лодку отвязал… Как чуяло сердце… Подожди еще, говорю, или возьми меня. – Что ты, тебя ищут, тебе опасно, а я скоро вернусь… Неужто оставлю тебя, женушку мою невенчанную, любушку драгоценную…

Три дня сердце ныло и болело, чуяло недоброе. Потом – как оборвалось все… Ходила я по берегу как неживая, высматривала…

– Была она молода и красива, по утрам обнаженной купалась в родниковой воде (Сашка поежился) и русые косы расчесывала…

– Тебя одного я дожидаюсь, мой люба, жених мой единственный, для тебя в ключевой воде купаюсь, для тебя русы косы берегу… Ты приди ко мне, жду тебя, ненаглядного! И три дня прошло, и неделя, и другая… В родительскую субботу дух во мне смутился, другой раз хотела жизни себя лишить, да снова явилась мне Пречистая – глаза горят, строгие и ясные… Одумалась я, да и его поминать не стала как мертвого – грех большой, жив он, жив… Стала я верить, что мы еще свидимся… Рыбакам назвалась Верой, поповской дочерью…

– Жила Вера на острове монашенкой, людей лечила. Говорят, дар исцеления у нее был…

– Рыбаки же меня и выходили, когда я о рождестве захворала да скинула… Да они же мне и рассказали, что бунт большой начался и новый-де царь объявился… Поверила я тогда, что освободится Андрей и придет ко мне… А на третий год приплыли ко мне рыбаки – ты, говорят, монашен-

кой живешь, поведения строгого – помолись за раба Божьего Андрея (ажно сердце во мне захолонуло), услышит он тебя скорее, чем нас… Молилась я за дорогое имечко, отварами его разными выхаживала – ожил парнишка… Так я и загадала, что придет ко мне Андрей весь больной да израненный… Вскорости так и вышло… Живого места на нем не было, бредил всю ночь, меня не узнавал… Под утро пришел в себя, говорил, что легче ему стало… Я руки ему целовала, травами да молитвами обещала помочь… А он прощения у меня за все просил и на рассвете преставился… Свет для меня померк, третий раз я по маловерию на грех великий решилась… Лечь хотела в землю рядом с Андреем… Третий раз явилась ко мне Богородица и дар исцеления во мне открылся… Поцеловала я Андрея в холодные губы, закрыла ему глаза и сама землей засыпала… Креста не ставила – для меня то место и без креста свято, а людям знать – ни к чему… Совсем одна я осталась… Потянулись ко мне немощные да убогие – лечила я их своим уменьем да Божьей помощью… Было мне то в радость… Приходила я к Андрею на камушек и будто голос его слышала, рассказывала все… Тем и жила…

– Прожила она жизнь долгую, чуть не в гражданскую ее здесь видели… Всех лечила, говорят – и красных, и белых…

– Под старость я слепнуть стала… Однажды ночью загорелась моя изба – еле жива осталась… Стала с тех пор в пещере жить, от новой избы отнекивалась – на мой-де век хватит… Зажилась я на этом свете и уж смертушки своей ждала – как невеста свадьбы, а как подоспела костлявая – завещала похоронить себя рядом с Андреем…

– Стали называть ее святой и крест поставили, а где она похоронена – никто по-настоящему не знает…

Помолчали.

Сашка достал свой «Зенит», глянул на небо:

– Давайте-ка я вас вместе сниму… Левее чуть…

– А теперь на камнях…

– Саш, давайте я вас вдвоем щелкну, а потом Юлька нас…

– Погодите, я еще один вид засниму…

Он ушел в сторону лодки и долго не возвращался, а мы решили пройтись по острову.

– Меня опять мутит, – в три погибели согнулась Юлька. – Какой-то гадостью тянет…

– Пойдем отсюда…

Я увела ее подальше, на другой конец острова, потому что при виде четырех незасыпанных ям с мокрыми прокладками и гниющими арбузными корками меня саму чуть не вывернуло. Трава вытоптана и замусорена, рядом – три костровые проплешины…

Юлька присела на корточки, опустила руку в воду, провела по лбу. На нос и губы стекали ледяные капли, а она снова брала воду и осторожно плескала на лоб, губы…

– Веры здесь уже нет, – сказала вдруг она…

– Почему это ты?

– Мне так кажется… Она ушла…

– Сними теперь нас на фоне пещеры, – нарисовался Сашка. – Что это?

– Машина, – ответила Юлька, вставая. – Кто-то прется…

И точно. Менее чем через минуту мы увидели и колеса, и фары красного джипа… Не хотелось с ними сталкиваться, решили смотаться сами…

…В лодке я ругала себя, что не растолкала гостей раньше – новые русские любят выдрыхиваться до обеда, приди мы утром – и не застали бы…

Сашка греб еле-еле, борясь с какими-то непонятными завихрениями, а мне так не хотелось слышать ни резкого звона (наверно, шампуры в ведре), ни суматошных воплей полупьяной компании, не хотелось видеть их, стоящих на самой верхотуре пещеры, рядом с крестом…

– Заснула там, что ли? Черпаком-то работай, воды полно, – встряхнул

меня Сашка.

– Сам-то греби давай, согреешься, – ответила я.

Юлька свернулась на носу в позе эмбриона.

– Юль, куртку дать? Замерзла? Или опять тошнит?

Она замотала головой:

– Я просто.

Молчали. Всем было не по себе.

– Если девочка будет, Верой назову, – сказала Юлька задумчиво.

– А если сын?

– Андреем…

– Андрей Саныч? Неплохо, – отозвался Сашка, будто очнувшись от своих размышлений. Очки его совсем съехали на нос и едва держались. Похоже, он греб с закрытыми глазами.

Мы отплыли уже достаточно далеко, чтобы не слышать оголтелого веселья с острова, как вдруг Сашка опустил весла и стал рыться в сумке.

– Ты чего?

– Вижу кадр.

Настроив фотоаппарат, он долго сидел с закрытыми глазами, опустив голову на грудь, потом встал, стараясь не раскачивать лодку и, глянув еще раз на небо, щелкнул затвором…

А с острова к нам тянулась тоненькая березовая дорожка. Старые березы стояли на берегу, омывая сцепившиеся корни, другие спускали в воду длинные желтые пряди, третьи,

совсем маленькие, были в воде уже по самую крону… А высоко, в ледяном тургоякском небе, медленно таяло ленивое осеннее солнце…

19.04.2001

По грибы

…И опять уходящий день, смутное сознание красного, когда оно давно впиталось в землю… Я чувствую сцепление колес с рельсами, я чувствую ветер с двух сторон – по право и по лево – ветер в рождение и смерть, я знаю – к у д а я должна идти… Я снова ищу Кольку «за линией», ведь ему вечно три года, он сам не справится, потому что еще не прошел свой путь…

…В вечере много сизо-серого, зовущего ы – разливается повсюду, тает, вспыхивает, но не кончается; плывет, пока не переходит во влажно-мерцающее ночное у – темно-синее, черно-сиреневое, черное. Как комья мокрой земли на лопате. Потом наступает одуряющая, звенящая тишина. Голова сама звенит и кружится. Редкие взвизги шин по асфальту, серый поцелуй дождя, просветляющего ночь. С дождем утекают краски ночи, струится что-то сизое, предрассветно-зыбкое, как переход в иное… Время самоубийств… Солнце цепляется за белесый туман; неохотно, как масло с водой, смешивается с ним, растекаясь дальше, заполняет собой полнеба…

В такое время подымают по грибы… Хлопают форточки, шипят пузырящиеся кофеварки, молоко из запотевшей банки выплескивается на ноги и мимоходом орошает побитую дверцу холодильника. С острых травинок под корни катятся шарики остекленевшей росы и неслышно разбиваются там…

Сырое, тяжелее мартовского снега, молочное небо. «Урал» под серо-зеленым тентом стоит у бордюра. Останавливаемся еще у Завода, у Сбыта, у кинозала «Урал», где пока не торгуют секонд-хендом… Небо постепенно взрослеет, открывается его тургоякская синева – наивная, как глаза едва прозревшего котенка…

Из-под замызганных курток торчат толстые, ручной вязки свитера… Ни один москвич сейчас не поверит, что будет жаркий день…

Осенью все какое-то брезентовое – серое, с зеленовато-желтым отливом – цвет травы, блеклых футболок, до невразумительности застиранных штанов… А лес ярче новых болоневых курток… Сверху проплывает треск ломающихся веток, на секунды оставляя колышущейся крыше листовой театр теней…

Я устала смотреть на лица, но пока моя память зряча, а в конце года мне выпишут первые очки и скажут, что такое бывает от радиации… От тех самых засекреченных взрывов пятидесятых годов…

От резкого толчка Кольку сбросило с маминых колен, зазвенели ложки в рюкзаках, высунулся серебристый колпачок термоса…

– Приехали, что ли?

Мужчины откидывают бортик и спрыгивают первыми, чтобы снизу принять на руки жен и детей.

С одной стороны – подсолнуховое поле, с другой – чахлый лесок. Кто-то отправляется на разведку, а я ухожу в желто-зеленые заросли и добываю себе холодный, мясистый круг нарисованного детского солнца… Вкус у семячек голодный, водянистый…

– Поехали! – кричат первые разведчики. – Ничего тут нет!

«Ничего» – это груздь в полведра, полбанки костяники, сыроежечная каша в полиэтиленовом пакетике…

Ураловские колеса мне по плечи, красные сапоги – в земле… В настоящей черной земле, а не в московской глине…

– Видно, год не грибной, – рассуждают в машине. Громыханье растревоженных ведер, сонное покачивание дырявого тента и снова решительный толчок – как удар в спину.

На этот раз – почти подмосковный лесок – трухлявые пни, сухая паутина мелких веток, колышущееся болото крапивы, тощей, как на пожарище… Я уже пью это крапивное болото, разгоняя сонную прессованную ряску – без листьев и метелок, но кровь из носа капает каждое утро, оставляя мне редкие передышки…

На привал расположились вокруг трех поваленных берез.

Из грибов здесь – престарелые сыроежки да поганки. Высохший, злобный, как жилистый старик, охраняет свое царство царь-Репей почти трехметрового роста. Его мертвые красные головки хищно г л я д я т во все стороны, как черепа с угольями на частоколе бабы-Яги…

До него – не более метра, присаживаться страшно – он сейчас вцепится, убьет, высосет всю кровь… Я знаю, что если присяду, почувствую его жуткий взгляд спиной. Нет-нет, я не боюсь, просто на березе сидеть низко и я вредничаю – ищу, тут же был пенечек… Еще не все расселись. Кто-то, словно угадав мою мысль, подходит к великану и уваливает Репей одним ударом ноги, но я чувствую, что он сейчас откачнется назад, грозя распрямиться. Он еще силен, и тем страшнее эта нежить, цепляющаяся за жизнь… Треск и упругий звон лопающихся жил. Третий удар ноги перебивает ему позвоночник. Он все еще помнит, что его убили, убили, неуклюже шевелится и вдруг вытягивается в струнку, впрыскивая в землю из ослабевших когтистых головок злое семя своей ужасной мести… А к нему уже спешат с лопатой, выковыривая из земли его белое, иссохшее сердце…

– Для волос хорошо – репейным корнем мыться, – объясняют мне.

Я все еще стою. Ужас не отпускает меня. Я вижу кладбище, утонувшее в низине высохшего болота с пружинной, будто отталкивающей для ночных полетов землей… Там роты, батальоны, полки этого нечистого костлявого воинства, много выше человеческого роста… Туда через полтора десятка лет положат бабушку с дедом…

Шаньги, пироги с клюквой, пирожки с рисом и яйцами, сыр с хлебом… Крахмальная, рассыпающаяся, как свежий хлеб под ножом, прохладная мякоть уральской наливной… Москвичи не верят, что яблоки размером с хорошую сливу могут быть такими сладкими… Не верят, пока не попробуют… Удивляются потом: «А что, больше не растут?»

О грозе напоминает тонкая алюминиевая фольга, еще теплая от пирогов, о длинных гвоздях дождя и ржавых ребрах ракушек, которые я увижу в Москве через много лет… Вот уже зажурчала приторно-сладкая кофейная струйка и сахарная тропка отражается в зеркальном тоннеле термоса. Кто-то разливает детям какао в подставленные крышечки из ведерного клетчатого термоса. Густой осадок дымится на ветру.

– Как бы не прохватило поясницу – земля-то уже холодная…

– Ну вот, перекусили, теперь можно дальше…

– Грибы от нас сегодня прячутся…

– Места надо знать…

– Так Володя говорил, что знает, а вон куда завез…

Комары роятся над головами серым нимбом. Примятая трава нехотя распрямляется. С каждой крошки на газету стекает лужица тени, чаинки кружатся и долго еще ложатся на пластмассовое, будто бы песчаное дно…

Солнце стоит уже высоко. Мы едем дальше, хлопая на ветру квадратными парусами брезента… Отяжелевшая голова клонится то в одну, то в другую сторону, в животе булькает кофе, хочется спать…

Третий раз останавливаемся на солнечной полянке. Чьи-то коричневые, заскорузлые руки подхватывают меня и ставят на землю.

– Легкая, как пушинка! – слышу я удивленный голос.

Миг полета показался мне вечностью. Я легка и смотрю на мир открыто – еще не встречалась со смертью, еще не рожала, еще не видела жизни…

В пластмассовом ведре глухо гремит нож. В резиновых красных сапогах жарко и неудобно – это мамины, они мне велики на два размера, а снять нельзя – взрослые скажут, что земля холодная и что клещи… А вот бабушка ходила босиком… Тогда клещи были обыкновенные – вытащил – и все… А в пятидесятые вместе с оленями завезли энцефалитных… Только олени вымерли, а клещи остались… С тех пор врачи говорят, что пик активности – с мая по сентябрь, а соседи, что ездят за кислицей, сообщают – клещиный год или не клещиный…

В пожелтевших волнах травяного одеяла замечаю семейство опят. Я подхожу ближе – а их все больше и больше, срезаю быстрее, оглядываясь – и вижу, что все потихоньку разбрелись и сидят на корточках… Шляпки широкие, ножки с пленочкой, руки моментально чернеют… Я с верхом насыпаю ведро и придерживаю раскатывающиеся грибы руками. Жестко, почти по-железному гремят плотные бумажные мешки, ростом выше меня, а наполненные – и тяжелее – 50 кг! Одно ведро быстро расплескивается по дну. Кто-то засыпает уже второе…

Куртку бросила в машине, кофту обмотала вокруг бедер, растрепанные волосы почерневшими руками заправляю под металлический ободок, в сапогах квакает потная пыль.

А люди все дальше и дальше разбредаются по лесу, радостно аукают, покачивая переполненными ведрами, не решаясь убрать со лба потную прядь или шлепнуть наглого комара…

Губы обметало соленым, хочется пить, но я иду – и передо мной разворачивают второй мешок. Осторожно всыпаю туда опята из двух запотевших ведер. Расправленный мешок – с меня ростом, доверху набитый грибами – ниже, но в полтора раза тяжелее…

– Такая маленькая – куда тебе столько?

Будто не знают о картошке с грибами, о маринованных опятах, о соленых груздях…

Оба ведра наполнены, а место бросать жалко – снимаю сапоги и заполняю опятами. К мешку иду босиком – сперва с ведрами, потом – с сапогами. Взрослые смеются. Мне хорошо – ветерок обдает лоб, земля приятно холодит ноги, натертые какими-то невидимыми камешками и песчинками.

Лиственница уже жесткая, желтая. Я пробую разжевать горсть ее иголочек. Слабый кисловатый привкус остается во рту, не утоляя жажды… В конце мая собрать одной щепотью иголочки с целой ветки – и в рот их, жевать, наслаждаться… Москвичи в ужасе ахают: «Это же немытое!» Сами вы немытые… Все бы в кипятке да с мылом… Березовый сок только в магазине и видят… Где там – втроем из одной банки! Щи из кислой капусты не любят, а щавелевые так уваривают, что невозможно разобрать – что же там плавает… Кипятят старательно… И руки после муравейника не облизывают. Везде им мерещится грязь да зараза…

От сыроежных ножек во рту как-то неуютно и еще больше хочется пить.

Нашла костянику – гроздьями, россыпями. Жадно ем, хватая ртом и слизывая упавшее с горьковатых грибных рук. Хочется есть еще и еще, высасывая кисленький сок до трещин на языке…

Грибов больше не нахожу – бреду с полупустым ведром. В тенечке замечаю целую плантацию кислицы… Вот бы сюда в начале июня, когда она высокая – выше колен, нежная и мясистая – сахарная трубчатая мякоть под мохнатой травяной кожицей, неповторимо-дикий, пронзительный вкус, вызывающий слюну… Киви – это как кислица с клубникой… Москвичам объясняю – что-то вроде щавеля, вышедшего в трубку, но это все не то… Пучок – двадцать копеек, как мороженое, вот она – белая, жестковатая ножка возле корня низко срезана окислившимся ножом, можно подцепить ногтем подотставшую кожицу и тащить ее – сперва плотную, потом – тончающую – до самой метелочки с семенами… Отламывать сверкающие трубки одну за другой… На пирог надо пучка три брать… А чай с кислицей по цвету – как с лимоном, только все равно вкуснее… От чая с кислицей никогда не стошнит, как от лимона на прокуренной предлифтовой площадке…

«Чтоб я больше не видела этой травы в квартире!» – всегда ругалась мама, а мы, как и другие дети, жизни себе не представляли без «этой травы»… Очистки кислицы не выметались веником, застревали в пылесосе, вываливались из переполненного мусорного ведра… В декабре их вымывали вместе с пушистой пылью и арбузными семечками… Сейчас кислица маленькая, сухая и тощая, как старушка… Даже и не чистится…

…Сердце солнцем стучит в голове, бьется во все жилки, небо куда-то уплывает, кружится потолок… Пить, пить… «Нельзя, готовим к кесареву»… Пахнет апельсинами и конфетами, еще больше хочется пить,,, Кажется, что голова улетает, но все равно чувствую боль, чувствую иглы в руке и спине, чувствую желание встать и идти… Промедол или морфин? На игле… На иглах…

…На иглах сосновых, застрявших между пластинками коры, блестит паутина… Янтарный клей проступает в глубине…

…Внутри, в моей голове, прорастают рыжие травинки, острые, как иглы, вспучивается груздем земля, брызгает от черных рук костяника в зеленой ванне мха…

– Я в прошлом году такое болотце нашел – за час ведро…

– Грибов?

– И грибов, и костяники… Оно маленькое – наверно, как эта поляна…

– И где это?

– В Башкирии. Прошлый-то год засушливый был, а как пролило все дождем – им не до грибов стало – покос…

– А вот нас заставляли все вытряхивать… Бывало, и били…

– Так это когда было?

– После войны…

– А у меня свое место есть, там грибы – во!

– В заповеднике, где радиацию сливают?

– Да нет, за Атляном…

– Хорошо съездили, на зиму запасы…

…Солнце прыгает, сердце прыгает, стрелки несутся вскачь… Я не отличаю минутную от часовой… Впервые с шести лет… Это страшно, как вдруг разучиться читать… Как падать в обморок в метро, не закрывая глаз, в которых – на секунду или на вечность – поселилась кружащаяся, почти без проблесков, темнота… В голове почему-то застряло – полторы минуты, полторы… То ли сами схватки, то ли время передышки… Встаю – и солнце катится из глаз…

Солнце садится. «Урал» скачет по горам, по кочкам, по размолоченным колеям…

…Почему в солнце так много крови?

Черные руки, черные пятки по очереди отквашиваются в ванной, а на сковородке уже шкворчат грибы… Они живые. Когда их ешь – пружинят на зубах… Скользкие, как пуповина…

Десятки закатанных банок укутаны полотенцами и старыми покрывалами – под столом, у балкона, в коридоре… За ночь они остынут… Фиса долго ходила вокруг них, пыталась прилечь на теплое покрывало, но ее сгоняли, когда надо было ставить очередную банку… Поэтому она окотилась на мамином одеяле, и первый котенок запищал в пододеяльнике…

…Я иду по болотной, горячей, пружинящей земле босиком, надо мной с двух сторон нависают, как церберы ада, страшенные, сцепившиеся репьи, черно-зеленая лягушачья жижа хлюпает, вылезает между пальцами… Я знаю – к у д а идти… Я иду к прозрачной, сверкающей воде, не темнеющей от глубины, вот уже она смыкается надо мной и сквозь голубое ее стекло я слышу голос солнца…

Тургояк. 10.07.2002.

Полнолуние

Уже неделю длилось это странное затишье – ни солнечно, ни пасмурно; ни сухо, ни дождливо – только в парной духоте по небу ползали тучи, но так тихо, что в парке едва дрожали гофрированные каштановые листья, а дышать было трудно. Даша ждала дождя.

В ту ночь долго не засыпалось – и Севе с его астмой, и Даше, и еще неизвестно, кому тяжелее…

…Она пришла и положила ему на стол целую стопку статей. Никто в редакции и не предполагал, что новенькая, совсем недавно переведенная из отдела новостей, справится со всеми безнадежными интервью. Тогда глаза у нее были грустные, и только позже Сева подметил какое-то особенно теплое, материнski-озабоченное выражение лица. В двадцать один год она уже была разведенкой с ребенком, так что Сева в свои тридцать два казался рядом с ней совсем еще мальчиком. Почему-то так получилось – после института работал, чтобы откупиться от армии, потом аспирантура, где повстречались с Натальей… Расстались друзьями – ушла она к Вовке, его лучшему когда-то другу… С ней за пять лет так и не собрались расписаться, а с Дашей уже через три месяца венчались, и Танюшка, в белом платье, такая серьезная, держала длинную фату. Больше всего Сева боялся, что не поладит с ребенком, но в два года человек быстро ко всему привыкает… Теперь она уже зовет его папой… Отправили ее сейчас к матери на дачу, наезжали по выходным… Правда, вот уже две недели они в ожидании безвылазно сидели в Москве, и Даша не находила себе места…

…Он шел к ней по колено в ледяной, хрустальной воде, разбивая быстрыми шагами лунную дорожку, потому что свет, проходя через крестовину полупрозрачной кухонной двери, говорил с ним ясно и строго, и он хотел, чтобы медный Будда с подоконника улыбнулся ему…

Сева проснулся от холодного света. Натянув простыню на уши, он оголил ноги, а из форточки сквозило быстрым ночным ветерком. Дверь на кухню была открыта, и неумолимое ядро луны в потоке света катилось в незашторенные окна, как в беззащитные глаза, лишенные век и ресниц. Луна была полная и такая яркая, что по часам без очков читалось: три пятнадцать. Даши рядом не было, но журчал бачок в туалете, а в ванной гудел кран от сильного напора воды. Нашарил крестик под подушкой, надел…

– Даша…

Ее глаза, внимательные и озабоченные, короткие черные волосы собраны перламутровой заколкой в виде раковины с жемчужинкой, но пряди у лба и висков уже влажные – видно, поправляла мокрыми руками… Наклонившаяся над ванной, со щеткой в одной руке и душем в другой, полуобернувшаяся, еще больше похожа на японку…

– Началось. Меня прослабило. Схватки сильные, через пять минут по сорок секунд… Звони Кате, я – в ванну…

Ванна уже наполнялась водой.

Наталья так дрожала над своей точеной фигурой, ей так нравилось, когда ее принимали за школьницу, что Сева и не заговаривал с ней о ребенке. «Разве нам плохо вдвоем?» Бесконечные вечеринки, друзья, телевизор по вечерам… А Даша сразу сказала, что хочет рожать дома… И он согласился, ходил на курсы, читал вместе с ней «беременные» книжки… И вот сейчас, когда стремительный ветер охватил его потное, обнаженное тело, Сева почувствовал, что ни за девять месяцев, ни за эти лишние две недели он так и не успел подготовиться…

Водяные брызги отскакивали от ее живота, как от надутого мяча, оседая на полуотбитой плитке, и в ванной от размокающего мела, пыли, бетона стоял свежий запах грозы.

И эта льющаяся вода гипнотизировала… Говорят, можно бесконечно долго смотреть – как бежит вода и как горит огонь… В танюшкиной комнате перед иконой Даша успела зажечь свечу, и там, в зашторенной полутьме, этот маленький огонек, умирающий всегда так без-

молвно и безропотно, плавал по полу и стенам огромными радужными кругами отсветов. Когда он, встревоженный этим непонятным заревом, подошел поближе, три радужные полоски, отражаясь от металлической оправы иконки, легли ему на руку. Когда-то, пока эта комната еще не стала детской, здесь стоял Будда, привезенный Вовкой из Японии…

В полутьме спальни, почему-то не догадавшись включить свет, он слепо шарил в бельевом ящике и, не понимая, что уже нащупал трусы, зачем-то стал искать в куче неглаженного.

В трусах и очках прошел на кухню, набрал номер. Пять гудков никто не берет трубку… Шесть… Семь… Если она уехала, то лучше с сотового – там в памяти номер… А где же сотовый?

Сева прошел в ванную с сотовым в руках – ему показалось, что Даша звала… Она стояла на четвереньках в розовой воде, а вода все краснела и краснела. Боже! Что с ней, откуда кровь? Думал, что победил страх крови после того случая на сборах, когда именно ему довелось первым найти парня, вскрывшего себе вены… «И боль, наполняя мне вены, была, словно влага в реке…» Даша обернулась к нему, роняя с верхней губы кровавые капли:

– Ватку!

Всего лишь из носа, слава Богу…

Одна ватка быстро вылетела, другая, намокнув кровью, пропускала тягучие темные капли… И тут сотовый булькнулся в воду, и он шарил по дну руками, вылавливая непонятно откуда появившиеся мыльницы, тюбики, мочалки…

Руки уже дрожали… Значит, теперь придется пробиваться с городского, но сначала найти номер в блокноте… Опять зовет?

– Катя уехала на роды, она не успеет, но к нам приедет Паша…

Катя казалась ему ненадежной – уж слишком молода, а в акушерстве опыт очень много значит… На самом деле он был даже рад, что приедет Паша – высокий, здоровенный и спокойный донельзя, напоминающий вальяжного кота. «Медбрат», как он про себя его называл. Сейчас, в этой предродовой суете, спокойное медбратово «ага» после семи гудков, казалось странным.

– Лимон… Тошнит…

Прозрачные, почти бесцветные дольки на блюдечке. Луна за рваными тучами казалась прозрачней медузы в ночной воде…

Даша морщилась, высасывая лимон – то ли от боли, то ли от удовольствия – сейчас она была для него абсолютно непроницаема. Она шумно дышала и плескала воду на живот, а он сидел с часами, пытаясь понять – где начало схватки, а где конец. Это – змея, кусающая свой хвост… Даша не подавала никаких признаков начала и завершения и вообще, казалось, едва слышала его. Губы ее горели, потресканные, пересохшие, она все время просила пить, а он бегал с кухни со стаканчиками минералки и ждал звонка «медбрата».

От внезапного телефонного звонка Сева чуть было не упустил часы, подхватив их буквально в последнюю секунду. Теперь «медбрат» требовал Дашу к телефону. Сева натянул провод, но все равно до ванны не хватало, значит, ей придется вылезать. Каким-то образом Даша его поняла, хоть Сева не был уверен, что она его слышит. Говорила она отрывисто, длинные фразы ей не давались:

– Приезжай… По минуте, иногда без перерывов… Не успеваю отдохнуть…

Она сморщилась, бросила трубку, но, совладав с собой, снова шумно задышала. И снова в спасительную воду – большая сильная рыбина, бьющая на мелководье хвостом.

– Пить…

Она заглатывала игривые пузырьки залпом, с мученическим выражением лица, будто они были живые…

– Он говорит, надо смотреть раскрытие… Я сейчас все подготовлю и приведу…

Пришлось повторить это трижды, пока Даша простонала вместо ответа… Сева представил, как звук проходит через воду – таким невнятным гулом…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.